Для цитирования: Орехов А. М., Ефименков А. О. Морфогенетическая социальная теория: больше вопросов, чем ответов // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 7—17. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17

УДК 140.8

МОРФОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

Орехов Андрей Михайлович,
Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Ефименков Александр Олегович,
Российский университет дружбы народов,
аспирант кафедры социальной философии.
Российская Федерация, 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.
E-mail: efimenkov.1995@mail.ru

Аннотация

Введение и цель. Статья рассматривает место и значение морфогенетической теории в рамках современного социально-теоретического дискурса. В качестве примера рассматриваются морфогенетическая теория М. Арчер и реляционная концепция П. Донати.

Методы. Статья использует аналитические методы (анализ, синтез и т. п.), задействованные в современной философии социальных наук

Научная новизна исследования. Ключевой идеей статьи является рассмотрение «морфогенетической социальной теории» в аспекте «аналитической схоластики» как девиантного пути развития современной социальной теории.

Результаты. Морфогенетическая теория является скорее социологической теорией, чем междисциплинарной социальной теорией; сложный язык «морфогенистов» может оказаться недоступен для понимания другими социальными учеными; морфогенетическая теория демонстрирует неопределенные перспективы в отношении междисциплинарного и трансдисциплинарного дискурса в рамках современного этапа развития социально-гуманитарного знания.

Выводы. Статус морфогенетической теории среди других направлений социальной теории является в значительной степени «периферийным».

Ключевые понятия:
морфогенетическая теория,
морфогенез,
реляционная теория,
социальная теория,
социальный реализм,
аналитическая схоластика,
М. Арчер,
П. Донати.

Введение

О «морфогенетической социальной теории» и ее основных представителях в России известно чрезвычайно мало. До того у нас был опубликован лишь небольшой фрагмент работы М. Арчер[1] [1], а совсем недавно в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета вышла монография итальянского исследователя П. Донати[2] «Реляционная[3] теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма» [3]. Помимо М. Арчер и П. Донати к числу активных сторонников «морфогенетического направления» в социальной теории относятся также Ф. Депельто, под чьей редакцией вышел «Пальгравский путеводитель по реляционной социологии»[11], Э. Эмирбайер, У. Бакли и др.

Морфогенетическая теория: основные положения и принципы

Играть на поле теоретиков «морфогенетической теории» — не такое простое дело, как это может показаться. Язык «морфогенистов» (позволим их себе так называть) — чрезвычайно сложный и временами даже *сверхсложный* и даже *суперсложный*. Свое внимание здесь мы сосредоточим на морфогенетической теории М. Арчер, а «реляционистское течение» (где присутствуют морфогенетические теории П. Донати и Э. Эмирбайера) будем разбирать на примере концепции П. Донати.

Начинает М. Арчер с критики с других социальных теоретиков, обвиняя их так называемой *конфляции*[4]*:* «Все больше теоретиков будут, несомненно, обнаруживать склонность к «срединному сращению» *(конфляции)* уровней структуры и деятельности. Такая позиция обещает онтологическую безопасность, однако эта самоудовлетворенность носит фарисейский характер. Они радуются, что их нельзя обвинить ни в атомизме, ни в неправедном предпочтении индивида или общества, ни в заигрывании с социальными фактами» [1, с. 160].

На той же проблеме «конфляции», также критикуя других исследователей, фокусирует изначально свое внимание и П. Донати: «В рамках развитой реляционной парадигмы важно избегать любого сращения (conflation) между деятельностью и социальной структурой *(восходящее, нисходящее* и *срединное сращения)* <…> Социальная онтология реляционной теории общества (называемая "реляционный реализм") отличается от онтологий других версий реляционной социологии, поскольку отказывается от радикальных номиналистических, прагматических или конструктивистских взглядов. Таким образом, она не соглашается с распространенными взглядами таких ученых, как Бурдье и Эмирбайер. Теория Бурдье вводит в заблуждение, как минимум, по трем причинам: она рассматривает отношения как продукт структур; представляет собой сращение между структурализмом и индивидуализмом; не проникает в суть социального отношения как такового, являясь, проще говоря, формой реляционизма. С другой стороны, теория Эмирбайера основывается на релятивистском прагматизме как явлении постмодернизма, противопоставляя себя критическому реализму» [3, с. 15].

Далее М. Арчер в своей работе указывает на один из основных концептов морфогенетической теории — «эмерджентность», что следует понимать как «накопление новых качеств», «переход (скачок) от одного качества к другому (новому качеству)»; с ее точки зрения, «морфогенетическая теория» — это единственная теория, которая способна объяснить «эмерджентность» в социальных изменениях: «Социальные теоретики робеют перед *эмерджентностью.* <…> Трудно обнаружить полнокровную эмерджентистскую теорию: ведь никому еще не удавалось пройти между Сциллой индивидуализма и Харибдой холизма» [1, с. 159—160].

На понятие «эмерджентности» и на феномен «эмерджентности» как на накопление (возникновение) *новых качеств* социальных отношений (или, скажем так, на накопление и аккумуляцию *новых отношений)* строит свою аргументацию и П. Донати: «Я утверждаю, что социальное изменение — это форма «избыточности» общества по отношению к самому себе, созданная новой реляционностью в структуре социальных отношений. Эта избыточность не столько порождается структурными эффектами, сколько производится реляционными эффектами, то есть благодаря добавленной ценности социальных отношений. Так, социальные отношения не создают лидера са-

[1] Маргарет Арчер (1938 г. р.) — британский социолог, профессор, президент Международной социологической ассоциации (1986—1990), президент Папской академии общественных наук (с 2014 г.).
[2] Донати Пьерпаоло (1946 г. р.) — профессор социологии Болонского университета (Болонья, Италия).
[3] *Relation* (англ.) — отношение; «реляционистский» («реляционный») — связанный с отношениями, опирающийся на отношения.
[4] Основное значение английского слова *conflation* — «объединение двух вариантов текста в один».

мого по себе, они создают лидера путем добавления социальной ценности качествам и способностям конкретных людей. Именно эта социальная ценность преобразует общество и делает его морфогенетическим — в том смысле, что оно производит "эмердженты" <...> Когда мы говорим, что два агента/актора состоят в «отношениях», мы можем подразумевать процесс *взаимодействия*, или продукт этого процесса, то есть эмерджентный эффект — социальные отношения как новую реальность, существующие между агентами/акторами, которую мы определяем социальную структуру, поскольку она обеспечивает стабильную связь между теми, кто состоит в отношениях (социальная система основана на таких структурах). Таким образом, с онтологической точки зрения социальные отношения можно рассматривать как элемент, необходимый для процесса эмерджентности, или как сам "эмерджент (структурное целое)"» [3, с. 19—20].

Далее следует то, что М. Арчер называет первой аксиомой «морфогенетической теории»: *структура предшествует действию (или действиям), которое (которые) ее трансформируют* [1, с. 163]. Таким образом, особенность точки зрения «морфогенистов» заключается в том, что, отказываясь от *конфляции* в интерпретации взаимоотношения *между структурой и деятельности*, они утверждают *первичность* «структуры» *и вторичность* «действий» относительно «структуры» (эта позиция у них также обозначается как «аналитический дуализм»).

Первичной является не только структура, а также первичны «формы» этой «структуры». Именно о *формах* как источнике всякого социального *генезиса* и ведет свою речь «морфогенетическая теория» (и потому, кстати, она так и называется)[1].

Определение, что такое «форма» (в духе «реляционизма»), можно найти у П. Донати:

«[Форма]— это реляционная структура, организующая элементы, которые возникают из единичных действий, и объединяющая их таким образом, чтобы придать им определенное расположение (реляционный эффект), которое обладает способностью причинения по отношению к участникам. Важно подчеркнуть, что в социальных отношениях переплетены различные измерения морфогенеза (касающиеся структуры, культуры, агентов). Это происходит за счет изменения внутренних компонентов отношения и формирования новых отношений (связей, взаимодействий) между этими компонентами» [3, с. 29—30].

В описании того, как «формы» (или «структура») предшествуют «деятельности» и продуцируют ее, «морфогенисты» опираются на концепцию ТМСД — *трансформационной модели социального действия*, восходящую к социальным теориям Т. Парсонса и Э. Гидденса. Правда, у П. Донати эта модель трансформируется в модель TMNC (T + M + N + C), где *T — target (цель); M — means (средства достижения цели); N — norms (нормы); C — culture (латентная культурная ценность)* [3, с. 28].

При этом М. Арчер категорически открещивается от идей того же Э. Гидденса и утверждает, что в противовес *конфляционизму*, индивиды (агенты, акторы) и структуры в ее концепции *разведены в разные стороны, несинхронны* а не рассматриваются как «взаимно конституированные, *синхронные* <...> Раздельное рассмотрение "структуры" и "практики" решительно разводит ТМСД и теорию структурации» [Э. Гидденс и др.]. В последней эти два уровня могут быть выделены *только* посредством операции искусственного заключения в скобки, которая, как мы уже видели, снова возвращает структурацию к одновременности, ибо *эпохé* заключает нас в рамки одной и той же *эпохи* и не позволяет объяснить взаимодействие между структурой и деятельностью во времени» [1, с. 178—180].

Для доходчивости свою концепцию М. Арчер иллюстрирует, если так можно выразиться, «портняжным» примером: «Представим себе общество как платье, которое передавалось по наследству внутри большой человеческой семьи и сохранило на себе следы пережитого. Всё в заплатах, он местами то застрачивалось, то распарывалось для различных надобностей, многократно перелицовывалось, так что сегодня в этом платье осталось немного материи, из которой оно было первоначально сшито. От старины осталось кое-что, вроде бабушкиных кружев на подвенечном платье у внучки. Зачем нам этот образ платья? Затем, что в нем есть швы, а значит, и возможность изучать отдельные части, спрашивать себя, когда и какие делались изменения, кем они делались и как к ним относились наследники. *Именно так я намерена трактовать социальные структуры, отношения между ними и человеческой деятельностью*» [1, с. 168].

От «аналитического дуализма», по мнению М. Арчер, отказ возможен лишь

[1] Терминология здесь следующая (согласно М. Арчер): выработка структуры — морфогенезис; воспроизводство структуры — морфостазис [1, с. 189]. М/М теория — «морфогенетическая / морфостатическая теория».

в одном-единственном случае: «Тезис о том, что влияние социальных структур может проявляться только посредством деятельности людей, утверждается в единственно приемлемой форме, а именно, что социальные структуры суть результаты, пережившие *прошлые действия людей,* которых зачастую давно уже нет в живых. Только так сохраняется их воздействие как автономных носителей причиняющих сил на деятельность последующих действующих. И именно то, как социальным структурам удается сохранять свое воздействие, пытается теоретически осмыслить М/М подход. Следование аналитическому дуализму структур и деятельности (разграничение предзаданных условий и актуальной деятельности) не просто оказывается желательным, но становится неотъемлемой частью программы ТМСД» [1, с. 177].

Полагая принцип «каузальности» слишком *жестким* для своего подхода, М. Арчер предлагает заменить этот термин на *обусловливание* [1, с. 184]. Таким образом, ТМСД-схема выглядит у нее следующим образом:

T1 (Структурное обусловливание) → *T2, T3* (Социокультурное взаимодействие) → *T4* (Выработка структуры: *Морфогенезис.* Воспроизводство структуры: *Морфостазис*) [1, с. 189].

Теперь чуть подробнее о реляционистской теории П. Донати. В его «реляционизме» главным авторитетом остается М. Арчер: «В понимании *реляционного* критического реализма социальная реальность представляет собой выражение определенного порядка реальности, который не является ни материальным, ни идеальным и специфика которого упускается из виду и античной наукой и наукой эпохи модерна, то есть речь идет *о порядке социальных отношений.* Это реальность *социальных фактов (или явлений),* возникающих в результате нескончаемых циклов: от социальной деятельности индивидов, изначально *обусловленной* существующими на тот момент структурами, через *взаимодействие* между акторами к *развитию новых* структурных, культурных и агентивных форм. Данные циклы подробно разбираются в морфогенетической теории Маргарет Арчер. На мой взгляд, теория критического реализма, представленная в работах Арчер, совершено справедливо может считаться наиболее самобытной и последовательной в современной социологии <...> Объяснительная схема в *аналитическом дуализме (между действием и структурой)* Арчер — еще один великолепный инструмент, позволяющий обойти «несовершенство воцарившегося эмпиризма» и являющийся ключевым в обосновании морфогенетической логики» [3, с. 56—57, 62].

Исходя из того, что в переводе с английского слово «relation» имеет значения «отношение, связь, зависимость», то условно реляционный подход можно обозначить как *подход, основанный на анализе «отношений и зависимостей» в человеческих обществе.* По мнению П. Донати, его реляционная теория способна обнаружить «скрытую онтологическую реальность» [3, с. 58].

Реляционная теория П. Донати выводит на первый план понятия «реляционного блага» и утверждает, что общество развивается посредством «эмерджентного приращения (наращивания) реляционных благ»: «При реляционном подходе добавленная социальная ценность представляет собой не что иное, как *эмерджентный эффект агентивной, интерактивной и системной рефлексивности социальных связей,* когда (если и при условии, что) они рассматриваются и используются как возможности и ресурсы (а значит, источники умножения ценности), а не как рамки и ограничения, сдерживающие социальных акторов <...> Данные [реляционные] блага при условии установления между участниками взаимодействия таких отношений, которые были бы максимально симметричными (не иерархичными), свободными и ответственными (не сдерживаемые силой авторитета или нормами субординации) и при этом не были бы меркантильными и, так или иначе, нацеленными на достижение личной выгоды <...> Реляционные блага обладают следующими свойствами: они не являются “вещами”, но состоят из социальных отношений; они производятся и потребляются участниками отношения *вместе;* создаваемое ими благо является *эмерджентным эффектом,* оказывающим благотворное влияние как на самих непосредственных участников, так и на представителей внешнего мира, которых коснулись его последствия, при этом присвоить благо невозможно. Реляционные блага являются подлинно демократическими, в отличие от бюрократических организаций (таких, как государственное управление), действующих по приказу, и создают блага на пользу всего сообщества (территориально обусловленного или нет). Реляционные блага не являются обособленными или закрытыми, в отличие от тех, которые связывают лоббистов и мафию»[1] [3, с. 88—107].

[1] П. Донати приводит здесь следующие примеры реляционных благ: доверие между людьми

Как уже утверждалось выше, П. Донати, на общетеоретическом уровне солидаризируясь с концепцией М. Арчер, полагает свою реляционную теорию «практическим» приложением для «морфогенетического» подхода в аспекте более *тонкого и уточненного анализа* роли и значения реляционных благ в обществе (а также отношений основанных на обращении таких благ).

Теперь, после того как мы предоставили слово самим «морфогенистам», попробуем взглянуть на их теорию, скажем так, *со стороны*.

Морфогенетическая теория и социальный реализм

Очень важным является вопрос: насколько можно считать морфогенетическую теорию разновидностью социального («критического») реализма? Вопрос ясен, но проблема в том, что в России о социальном (иначе «критическом») реализме известно немногим больше, чем о морфогенетической теории. Можно только отметить несколько публикаций (включая статью, принадлежащую одному из авторов этой работы) [2; 4; 6; 8].

Социальный («критический») реализм — методологическое направление, оппозиционное «логическому эмпиризму» и «интерпретативизму» и выступающее в философии социальных наук со следующих позиций:

1) реализм признает факт существования внешнего мира и выдвигает требование объяснять научные проблемы в его исследовании согласованием между собой теоретических положений и экспериментально-наблюдательной практики, но само это требование не является таким «жестким» и «однозначно строгим», как в логическом эмпиризме, и допускает существование в данном согласовании множества степеней свободы, в частности касательно каузальных механизмом объяснения функционирования внешнего мира;
2) реализм требует брать в расчет некоторые положения интерпретативизма, касающиеся понимания значения субъективной реальности (субъективной составляющей) в поведении человека;
3) Реализм настаивает на идее незавершенности, открытости, плюралистичности современного социально-гуманитарного знания;
4) Реализм утверждает приоритет научного метода и научной методологии в отношении всех других методов исследования социально-гуманитарной реальности («здравого смысла», веры и т. п.) [6].

Классическим представителем реализма (и во многом одним из его основателей) считается недавно ушедший из жизни Рой Бхаскар (1930—2017). Отношение М. Арчер и П. Донати к нему неоднозначно: с одной стороны, они признают его одним из авторитетов для морфогенетической теории, а с другой, критикуют, выражаясь метафорически, *почти на каждой странице*.

Впрочем, так называемую «Хартию Р. Бхаскара» оба — и М. Арчер, и П. Донати — оценивают положительно. В ней шесть основных пунктов:

1) общество несводимо к индивидам;
2) социальные формы составляют необходимое условие для всякого интенционального акта;
3) *предсуществование* социальных форм генерирует их автономность;
4) реальность социальных форм основана на их причиняющей (каузальной) силе;
5) *предсуществование* социальных форм есть отправная точка для ТМСД;
6) причиняющая сила социальных форм опосредуется человеческой деятельностью [цит. по: 1, с. 162].

М. Арчер подчеркивает, что «реализм сам основывается на аналитическом дуализме» [1, с. 180], и «формально реализм как таковой предан объяснительной модели, которая признает и включает в себя *предшествующие структуры* как порождающие механизмы, их *взаимодействие* с другими объектами, обладающими властью причинения и соответствующими обязательствами в том, что называется стратифицированным социальным миром, и непредсказуемые, но, тем не менее, объяснимые *результаты* взаимодействий этих объектов, происходящих в открытой системе, называемой обществом. В содержательных структурах можно сколько угодно спорить о том, какие структуры, какие типы взаимодействия и какие результаты должны быть приоритетными, и как их следует анализировать, но при этом не расходиться во мнениях по поводу природы и формата объяснения как такового» [1, с. 192].

Схожую позицию занимает и П. Донати: он прямо указывает: «Мой вариант критического

и семьями; спокойный и дружелюбный климат в компании; атмосфера безопасности и спокойствия в отношениях с соседями; активная и творческая волонтерская деятельность; командный дух в спортивной команде и т. п. [3, с. 106].

реализма — реляционный» [3, с. 70], а плюсы реализма, с его точки зрения, выглядят следующим образом:

«Критический реализм интересует живой опыт, его возвышение, его проявления. Он наделяет людей собственными свойствами и силами, — индивидуализм и холизм лишают людей этих качеств. При этом критический реализм не выливается в скептицизм, ставший столь популярным в социологии в наши дни, это простое и восприимчивое рациональное суждение, не имеющее отношения ни к идеологии, ни к воображению. Критический реализм рассказывает, каким образом из социальной субъективности рождаются социальные факты, как появляются и развиваются социальные субъекты и институты. Другими словами, показывает важность социальной организации, в которой мы живем, анализируя ее возможные альтернативы» [3, с. 84].

Итак, на первый вопрос мы ответили положительно: «морфогенетическую» теорию можно считать разновидность социального реализма, — по крайней мере, так утверждают сами «морфогенисты». Вероятно, другие реалисты (к примеру, тот же Р. Бхаскар или У. Мяки) могли бы с такой точкой зрения не согласиться, но это уже, выразимся так, вопрос *субъективный и* для дискуссий внутри самого реалистического подхода. А вот на другой вопрос мы попытаемся ответить сами: «морфогенетическая» теория — это междисциплинарная социальная теория[1] или только социологическая теория?

Все-таки: социальная теория или социологическая теория?

Ответ на этот вопрос приходится считать *незавершенным и открытым,* ибо, как полагают авторы этой статьи, принципиальной разницы между этими понятиями для «морфогенистов» не существует. Они никак не разделяют между собой процесс теоретизирования в рамках социологии, и, скажем так, междисциплинарное социальной теоретизирование, подразумевающее выход за пределы собственно социологического дискурса.

Впрочем, М. Арчер в этом пункте заявляет следующий тезис: «M/M подход — произведение социолога-практика, который чувствует себя обязанным углубиться в уточнение своего инструментария, чтобы создать в высшей степени применимую *социальную теорию*... Мой главный интерес выходит за рамки создания приемлемой социальной онтологии, поскольку я стремлюсь представить *действующую* социальную теорию» [1, с. 192—194].

Первая претензия, которую можно предъявить М. Арчер и П. Донати (и всем другим «морфогенистам») заключается в том, что их теоретические изыскания имеют сильный привкус «социологического империализма» или, того хуже, «социологического редукционизма»[2], т. е. они, как говорил в свое время И. Кант, идут *от реальности модели* к *модели реальности,* в данном случае — *от одной из социологических моделей реальности* к *модели всей социальной реальности.* Постоянно критикуя (и временами с большой самоуверенностью, если ни сказать — с большим апломбом) других исследователей (Э. Гидденса, Р. Бхаскара, П. Бурдье и др.), они не замечают *уязвимых мест* собственных теоретических построений, — никаким образом не доказывая и не обосновывая тот факт, почему, во-первых, их теория является *наилучшей среди всех социологических теорий,* и почему, во-вторых, она, будучи исключительно социологической теорией, может претендовать на *объяснение структуры всего социального мира в целом*.

Дальше — проблема языка и проблема снижения креативного и эвристического потенциала «морфогенетической» теории до уровня «аналитической схоластики».

Проблема языка: неужели нельзя проще?

Мы уже указывали в начале этой статьи на чересчур усложненный и запутанный язык морфогенетической теории.

[1] Один из авторов этой работы так определял «социальную теорию»: «Социальная теория — это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками и конструирующее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности» [7, с. 148—149]. «Социологическая теория» в таком аспекте лишь частная монодисциплинарная теория, никак не равная «социальной теории».

[2] «Социологический империализм» — это определенная методология и тип междисциплинарного синтеза, при котором социология навязывает свои методы, идеи и программы какой-либо другой науке, заставляет ее мыслить «социологически», использовать в исследовательской работе шаблоны, схемы и методики, разработанные непосредственно социологией. «Социологический редукционизм» — это полное и абсолютное сведение методов, идей и программ какой-либо социально-гуманитарной науки к методам, идеям и программам социологии, это полное и тотальное растворение предмета, теории и методологии данной науки в предмете, теории и методологии и социологии [7, с. 102—103].

«Морфогенисты» вводят большое число новых терминов («морфогенез», «морфостазис», «М/М-теория», «реификация», «конфляция», «аналитический дуализм», «срединное сращение», «предсуществование» и др.) — но возникает вопрос: что дают в чистом остатке эти сложные концепты для постижения сущности социального мира, его социальной онтологии? Чем они лучше уже имеющихся концептов?

Не усложняют ли они излишним образом объяснение там, где в этом нет необходимости, т. е. не нарушается ли здесь «Бритва Оккама»?

Например, один из центральных концептов реляционного подхода П. Донати — «общение». Этот социально-психологический и социальный философский феномен привычно было определить как *процесс и результат (главным образом, «непосредственного») взаимодействия людей между собой,* т. е. логическим и логичным образом подвести частное определение под общее. Но определение П. Донати выглядит иначе: «общение» — *это социальная реляционность*! [3, с. 108]

И что же? Вместо *прояснения* — усложнение и еще один новый, дополнительный концепт и к тому же сомнительный с точки зрения эффективности исследовательского результата… И таких, с позволения сказать, *определений* у морфогенистов в избытке.

Вот, к примеру, еще одно утверждение П. Донати: «Внутренний разговор (т. е. внутренняя субъектности самости) играет роль посредника между социокультурными структурами и свободой деятельности, в результате чего и возникает *двойственный структурный и агентивный морфогенез*» [3, с. 71].

Что здесь можно понять — «без перевода»?

Можно предъявить претензию к тому, и как «морфогенисты» *ведут свою полемику.* Очевидно, что для того что, что опровергнуть доводы оппонента, надо их тщательно и беспристрастно разобрать, а затем привести свои контраргументы, но та же М. Арчер постоянно *ввинчивается* (да простят нам «морфогенисты» это слово!) в такие полемические обороты, что становится непонятно, с чем мы имеем дело: с научной дискуссией или с препирательством, далеким от такой дискуссии.

Вот, к примеру, М. Арчер о Р. Бхаскаре: «Есть пассажи, где Р. Бхаскар заигрывает с *сиренами конфляционизма*, однако эмерджентистские основания ТМСД всегда оказывались сильнее» [1, с. 161].

«Аналитическая схоластика»?

В предыдущей статье одного из авторов этой работы, где сравнивались различные «когнитивные стили» социально-гуманитарных наук, утверждался следующий тезис: схоластический подход характерен, прежде всего, для представителей КГМ-стиля, — когда многие положения и суждения представителей этого стиля тонут в бесконечном потоке *(зачастую спекулятивных) определений, концептов, категорий* и т. п. [5].

Для НПА-стиля, куда следуют отнести англо-американскую и в целом европейскую мысль, схоластическая методология вовсе не является типичной.

Но и из этого правила бывают исключения. В предыдущем разделе, критикуя «морфогенистов» за их чересчур усложненный и абстрактный язык, мы уже сделали *намёк* на излишне абстрактный и спекулятивный характер их теоретических построений. Но из первого пункта «обвинения» (позволим себе так это назвать, и просим у «морфогенистов» прощения за такой термин), увы, вытекает и второй пункт — это «обвинение» в том, что то, чем они занимаются, можно условно обозначить как «аналитическая схоластика».

Причем элементы «аналитической схоластики» можно найти не только у «морфогенистов», а также и у других современных западных теоретиков: это и (отчасти) П. Бурдье, и (особенно) Н. Луман, и (особенно) постмодернисты (Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) и т. п.

Но где же граница между *(аналитическим) научным исследованием* и *аналитической схоластикой,* и почему «морфогенисты» так легко перешагивают рубеж, отделяющий первое от второго?

Аналитическая схоластика — это рационально-доказательный дискурс, построенный на псевдонаучном «углублении» в концепты и проблемы со спекулятивным содержанием, решение которых не имеет серьезного эвристического значения для получения нового социально-гуманитарного знания.

Данное определение может быть весьма «зыбким» и «смутным», и нам могут возразить: как отличить, к примеру, «псевдонаучное» углубление в концепты и проблемы от «научного»? Или что значит — «серьезное эвристическое значение»?

Возьмем, к примеру, проблему взаимодействия «структуры» и «деятельности», вокруг которой выстраивается вся полемика, которую ведут М. Арчер и П. Донати.

Что первично — «структура» или «деятельность», почему так важно противостоять их *сращиванию* (конфляции)?

Так уж важна эта проблема — что первично: *структура или деятельность?* Не напоминает ли известный спор о «курице и яйце»: что произошло раньше — курица или яйцо? Структура *раньше* деятельности или наоборот? И что это так важно: либо принимать *сращивание* (конфляцию) «курицы и яйца», либо не принимать его?

Как можно вообще отвечать на такой вопрос *в неопределенном аспекте,* на исключительно *спекулятивном уровне*? При этом решать, что здесь есть истина, а что заблуждение?

Вот, к примеру, Д. Элдер-Васс, ознакомившись с позицией «морфогенистов» по данной проблеме, высказалась, как нам кажется, с *некоторым недоумением*:

«Мы должны признать, что порой действия индивидов обусловлены его принадлежностью к более крупным структурам; что действие является действием не только одного индивида, но, по крайней мере, частично, действием целой структуры. Этим я, тем не менее, не хочу сводить роль индивидов до роли простых *посредников*: наряду с той или иной структурой, действия индивидов определяются другими каузальными факторами. В то же время бывают случаи, когда индивиды используют каузальный потенциал целой организации, а не только свой собственный» [10, p. 467—469].

Недоумение Д. Элдер-Васс понять можно: что здесь можно утверждать вообще *в неопределенном аспекте,* на исключительно *спекулятивном уровне?*

Если, к примеру, обратиться за помощью к в современной экономической науке то там *уже сформировались* крупные научные направления под названием «логика общественного выбора» (Дж. Бьюкенен, нобелевский лауреат) и «логика коллективных действий» (М. Олсон, к примеру), — которые как раз и продемонстрировали, *как и когда индивиды, используя каузальный потенциал целой организации* (а не только свой собственный), *успешно добивались и добиваются реализации собственных целей.* Почему же «морфогенисты» не опираются на эти работы? Или, замкнувшись в собственной аналитической схоластике, они просто не ведают, что такие работы есть?

Вот (еще один пример) вопросы, которыми задается П. Донати в своей реляционной теории:

«Скажем, почему государство выбирает ту или иную форму демократии? Почему падает или повышается степень религиозности? Почему уровень безработицы увеличивается даже в период экономического роста?» [3, с. 72].

Любопытно, что здесь же собирается объяснять П. Донати исключительно своей «социальной реляционностью» без привлечения данных экономики? политической науки? религиоведения?

Если (представим на минутку) такие «реляционные объяснения» возможны, то может тогда в них и люди вообще не нужны? Абсурд? Да нет, вовсе не абсурд, — приведем еще одно утверждение П. Донати: «Предлагаемая мною теория реляционной социологии подразумевает, что социальная структура состоит из *социальных отношений*, а не индивидов и механизмов» [3, с. 70].

Однако авторы статьи готовы умерить здесь свой критический пыл и перейти к последнему пункту анализа «морфогенетической теории», а вот с этим пунктом все гораздо серьезнее.

«Дисциплинарная самоуверенность» versus «междисциплинарности»

Предыдущее обвинение «морфогенистов» в «социологическом империализме» и «социологическом редукционизме» влечет за собой и следующий важный пункт: *«морфогенетическая теория», замкнувшись в спекулятивной и мелкой частнодисциплинарной социологической тематике, игнорирует все современные междисциплинарные и трансдисциплинарные дискурсы, имеющие место в социально-гуманитарном знании первой трети XXI в.*

Вот два заявления от них: первое — от П. Донати: он объявляет о том, что ставит себе целью «рассматривать социальную реальность как реальность, *конституированную собственной оригинальной реляционностью*» [3, с. 69], и второе — от М. Арчер: она утверждает, что «бесконечная сложность социального *не представляет непреодолимых трудностей для теорий социального изменения* [включая, естественно, «морфогенетическую теорию»]» [1, с. 182],

Но, с нашей точки зрения, это не просто *легковесные заявления,* а даже — *сверхлегковесные*, поскольку оба авторитета «М/М-теории» просто не осознают, с какими *непреодолимыми трудностями* они в своих теоретических изысканиях могут столкнуться, совершая ничем не оправданный скачок *от одной из социологических моделей реальности* к *модели всей социальной реальности.*

Как вообще можно исследование всего социального мира, всей социальной онтологии строить на таком зыбком монодисциплинарном фундаменте?

«Междисциплинарность» (включая «кроссдисциплинарность», «трансдисциплинарность» и т. п.) — это не каприз современного этапа социально-гуманитарных исследований, это его *настойчивое требование.* А материал, на котором базируют свои построения «морфогенисты» относится большей частью к *социологии*, да и то большей частью к ее *конструктивистско-феноменологическо-реалистскому* направлению. А где же философия, антропология, экономика, политическая наука, юриспруденция? Где современная футурология, пропетология, кратология? Как их современные идеи и достижения используют «морфогенисты»?

Возьмем в качестве *оппозиционного примера* социальную теорию П. Бурдье. Пьер Бурдье — он *не только социолог*, он еще и философ, и культуролог, и экономист, и политолог, и футуролог, и пропетолог (одна теория «капиталов» стоит многого!) и прочая, прочая, прочая... Никакого сравнения с *узко-социологическо-схоластическими* изысканиями, что ведут «морфогенисты»!

Это не только наше мнение. Явные «плюсы» концепции П. Бурдье в отношении подхода М. Арчер подчеркивают и другие исследователи, — та же Д. Элдер-Васс:

«Если Арчер делает акцент на рефлексивных моментах, то Бурдье подчеркивает возможность действий без рефлексии, и продвижения к таким диспозициям, которые могут быть сформированы действиями без опоры на рефлексию .... Я полагаю, *теоретическая позиция Бурдье более свободно декларирует его онтологию и он гораздо более свободен в формировании своей эмерджентности* без потери структур и действующих сил» [9, с. 325—326].

Заключение

Итак, как ни печально, но мы вынуждены признать, что морфогенетическая социальная теория находится на *периферии* современного социально-теоретического исследовательского поля, как бы ни желали отрицать этот факт сами «морфогенисты». Причин этому несколько: 1) «зацикленность на социологии», нежелание двигаться выше — на уровень социальной теории; 2) трудный (а временами просто схоластически-запутанный) язык, с множеством «новых» концептов; 3) вытекающий из предыдущего пункта явный уклон «морфогенистов» в сторону «аналитической схоластики»; 4) нежелание (или неумение) воспользоваться всеми междисциплинарными и трансдисциплинарными достижениями, имеющими место в социально-гуманитарном знании.

Винить в этом факте «морфогенистам» следует, в первую очередь, самих себя. *Хорошая* социальная теория должна быть точна и лаконична, как знаменитая формула Эйнштейна «$E = mc^2$» и доступна для понимания каждому социальному ученому, при условии напряжения им соответствующих рефлексивно-теоретических способностей.

Но при этом мы отметим позитивный момент: попытка исследовать «эмерджентность», желание разобраться с источником социальных изменений, всесторонний анализ роли и значения «отношений» в динамике общества, и, как итог, сама концепция «морфостазиса/морфогенеза» — здесь заслуги М. Арчер и П. Донати (и других «морфогенистов») бесспорны и должны быть признаны всем научным сообществом.

Но это опять же не отменяет всех возможных вопросов к «морфогенистам» *по другим вышеперечисленным поводам*. Их, этих вопросов, у нас пока гораздо больше, чем ответов.

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 156—194.

2. Аутвейт У. Реализм и социальная наука // Социологос. Логос. 1991. Вып. 1. С. 217—224.

3. Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М. : ПСТГУ. 2019. 312 с.

4. Мяки У. Что такое реализм? // Философия экономики : антология. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 419—428.

5. Орехов А. М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3. С. 7—15.

6. Орехов А. М. «Социальный реализм»: к онтологическим основаниям // Личность. Культура. Общество. 2019. № 3—4. С. 169—175.

7. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : Инфра-М, 2020. 172 с.

8. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М. : Территория будущего, 2011. 386 с.

9. Elder-Vass D. Reconciling Archer and Bourdieu in Emergentist Theory of Actions // Sociological Theory. 2007. Vol. 25. No. 4. P. 325—346.

10. Elder-Vass D. Searching for Realism, Structure, and Agency in Actor Network Theory // The British Journal of Sociology. 2008. Vol. 59. No. 3 P. 460—486.

11. The Palgrave Handbook of Relational Sociology / ed. by F. Dépelteau. London : Palgrave, 2018. 686 p.

References

1. Archer M. (2000) Realism i morphogenez // Teorija obschestva. Moscow, Kanon-press-TS, pp. 156—194 [in Rus].

2. Autweit U. (1991) *Sociologos. Logos*, vol. 1. Moscow, pp. 217—224. [in Rus].

3. Donati P. (2019) Reljatsionnaja teorija obschestva: Sotsial;naja zhizn' s tochki zrenija kriticheskogo realism. Moscow, PSGTU. 312 p. [in Rus].

4. Mäki U. (2012) Chto takoe realism? // Filosofija ekonomiki. Moscow. Izdatel'stvo Instituta Gaidara, pp. 419—428. [in Rus].

5. Orekhov A.M. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 3, pp. 7—15. [in Rus].

6. Orekhov A.M. (2019) *Lichost'. Kultura. Obschestvo*, no. 3—4, pp. 169—175. [in Rus].

7. Orekhov A.M. (2014) Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa. Moscow, Infra-M, 172 p. [in Rus].

8. Schapiro I. (2011) Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh. Moscow, Territorija Buduscshego, 386 p. [in Rus].

9. Elder-Vass D. (2007) *Sociological Theory*, vol. 25, no. 4, pp. 325—346 [In Eng].

10. Elder-Vass D. (2008) *The British Journal of Sociology*, vol. 59, no. 3, pp. 460—486 [In Eng].

11. The Palgrave Handbook of Relational Sociology (2018). London, Palgrave, 686 p. [In Eng].

For citing: Orekhov A.M., Efimenkov A.O. Morphogenetic social theory: more questions than answers // Socium i vlast'. 2020. № 3 (83). P. 7—17. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-07-17

UDC 140.8

MORPHOGENETIC SOCIAL THEORY: MORE QUESTIONS THAN ANSWERS

Andrey M. Orekhov,
Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department Chair of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
The Russian Federation, 117198,
Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Alexander O. Efimenkov,
Post-graduate Student of the Department Chair of Social Philosophy,
Peoples' Friendship University of Russia,
The Russian Federation, 117198,
Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
e-mail: efimenkov.1995@mail.ru

Abstract
Introduction and the aim of the study. The paper analyzes the place and role of morphogenetic theory within a framework of contemporary social-theoretical discourse. M. Archer's morphogenetic theory and P. Donati's relational conception are considered as two examples of this discourse.
Methods. The authors use analytical methods (analysis, synthesis, etc.), applied in contemporary philosophy of social sciences.
Scientific novelty. The key idea of the paper is analyzing morphogenetic social theory in terms of analytical scholasticism as a deviant way of contemporary social theory development.
Results. Morphogenetic theory is rather a sociological theory than interdisciplinary social theory; the sophisticated language of "morphogenists" mat seem difficult for other scholars to understand; morphogenetic theory demonstrates indefinite perspectives concerning interdisciplinary or transdisciplinary discourse in the context of contemporary stage of social-humanitarian knowledge development.
Conclusions. The status of "morphogenetic theory" among other directions of social theory is by far "peripheral".

Key concepts:
morphogenetic theory,
morphogenesis,
relational theory,
social theory,
social realism,
analytical scholasticism,
M. Archer,
P. Donati.